

"Конечно, хорошо", — подумал про себя Хэ Бугуй.

"Если бы нашелся тот, кто разделит со мной этот путь, бесконечные годы одиночества перестали бы казаться неизбежной карой. Пустота вокруг не страшит — пугает лишь то, что финал этой истории предreshен с самого начала"

Ему и раньше доводилось слышать подобные речи. Но всякий раз, когда упоминалось о том, что его бросят, все понимали: это неизбежно. Никто не решился бы обмануть его обещанием жить вечно ради него. Подобное просто не в человеческих силах.

Каким бы мудрым и проницательным ни был человек, познавший привязанность не сумеет сохранить бесстрашие. Тоска по утраченному былому и страх перед грядущими потерями затягивали Хэ Бугуя в омут, откуда невозможно выбраться. Стоило лишь проскочить случайной искре, как отчаяние мгновенно разгоралось бушующим пожаром. Это был страх.

Однако бесплотные страхи легко рассеиваются перед лицом осязаемой реальности. Некогда Хэ Бугуй долгими ночами изнывал от безысходности, не зная, как спастись, но сейчас, когда его разум едва не поглотили внутренние демоны, нехитрые слова утешения Юй Уцюэ на удивление легко проникли в самое сердце.

Хэ Бугуй ничем не выдал своего волнения, лишь скользнул взглядом по их сомкнутым ладоням. Пальцы мастера марионеток были тонкими и белыми; со стороны казалось, будто на колени ему опустился изящный цветок белой хризантемы. Тепло этих пальцев обжигало. Сжимать их было неловко, но и отпускать не хотелось.

Это неожиданное тепло заставило облепивших ноги глиняных призраков отступить. Теперь лишь половина их тел цеплялась за одежду Хэ Бугуя, в то время как остальные понемногу осыпались обратно в землю.

Хэ Бугуй некоторое время молча смотрел на их руки, а затем слегка согнул пальцы в ответном пожатии и тихо произнес:

— Не нужно утешать меня красивой ложью.

— Разве я хоть раз лгал тебе, Шицзунь? — Юй Уцюэ мягко улыбнулся, и взгляд его был совершенно чист. — Я сделаю все, что пообещал. Главное — чтобы ты не прогнал меня, когда я наскучу тебе.

— Уже наскучил, — отрезал Хэ Бугуй, раздосадованный собственной недавней минутой слабости. — Прямо сейчас раздражаешь. А ну помоги мне встать.

Юй Уцюэ, обхватив учителя за плечи, с трудом помог ему подняться. Мерзкие глиняные твари все еще висели на полах одеяний. Юй Уцюэ попытался стряхнуть их, но снова хватал лишь воздух.

— Как прогнать эту нечисть?

— Не обращай на них внимания, — Хэ Бугуй устремил взор вдаль. — Внутренних демонов не избыть так просто. Раз уж они родились, то будут следовать за мной до конца. Нам нужно идти.

Юй Уцюэ бережно вел его вперед, недоумевая:

— Но почему мой собственный демон явился и тут же бесследно исчез?

Хэ Бугуй на мгновение замер.

— Сам подумай, — буркнул он.

Разве мог Юй Уцюэ догадаться? В мыслях у него крутилось лишь то, как учитель в порыве беспокойства назвал его простодушным. Эта нечаянная похвала так обрадовала юношу, что он напрочь забыл, какая именно мысль мгновение назад едва не ввергла его в безумие.

Пять тяжелых глиняных фигур, цеплявшихся за подол, превращали каждый шаг в пытку. К счастью, эта ноша тяготила лишь Хэ Бугуя. Половиной веса навалившись на плечо Юй Уцюэ, он медленно, спотыкаясь, двигался вперед.

Вдруг Юй Уцюэ замолчал. Хэ Бугуй искоса взглянул на него:

— Что притих?

Юй Уцюэ кивком указал на виснувших внизу тварей:

— Получается, все они — те, кто дороже всего твоему сердцу?

— Да, — тихо отозвался Хэ Бугуй.

— Демоны разума принимают облик тех, кто нам дорог, — пробормотал Юй Уцюэ, недовольно поджав губы. — Вот почему ты увидел их.

"А я увидел тебя"

Хэ Бугуй промолчал, а Юй Уцюэ внезапно помрачнел.

Пусть их знакомство и было недолгим, но зародившаяся между ними привязанность казалась бесценным даром судьбы. Будь то деревянная игрушка из далекого детства, или постоянное покровительство в настоящем, или то, что его наконец признали учеником, — Юй Уцюэ давно дорожил Хэ Бугуем больше всех на свете. Но занимал ли он сам хоть какое-то место в сердце учителя?

В конце концов, даже обряд ученичества прошел наспех, почти небрежно. Раньше Юй Уцюэ не придавал этому значения, но сегодня его словно укусила ядовитая муха. Видя, как глубоко Хэ Бугуй сопереживает другим, как терзается былым, юноша невольно заразился этой печалью. На душе стало невыразимо тоскливо.

Он так тяжело вздохнул, что Хэ Бугуй невольно повернул голову:

— О чем ты задумался?

Юй Уцюэ брякнул первое, что пришло на ум:

— Почему среди твоих демонов не оказалось меня?

— С какой стати мне видеть тебя? — изумился Хэ Бугуй.

— Но я-то тебя увидел!

Хэ Бугуй не сдержал усмешки:

— Ты увидел меня и едва не лишился рассудка. По-твоему, это повод для гордости?

— Демоны приходят в облике тех, по кому мы тоскуем. Раз тебя они не привели ко мне, значит, я для Шицзуня ничего не значу.

Хэ Бугуй на миг лишился дара речи, а затем демонстративно развернулся назад к спуску:

— Ну раз не значу, то зачем я вообще тащусь на эту гору? Ступай один.

— Постой, Шицзунь, не сердись! — заверещал Юй Уцюэ, крепко хватая его за руку и увлекая обратно к вершине. — Я же просто глупость сморозил! Если ты уйдешь, что мне делать? Твой ученик исправится, честное слово.

— Хм? — Хэ Бугуй вопросительно приподнял бровь.

Юй Уцюэ с жаром выпалил:

— Обещаю, наступит день, когда я стану твоим главным демоном разума!

Хэ Бугуй посмотрел на него как на умалишенного и влепил ему звонкий щелбан по лбу:

— Хоть бы чего хорошего учителю пожелал.

— Ай, больно же!

— Так тебе и надо. Пошевеливайся.

С шутками и пререканиями они шли еще около получаса. От былых призраков остались лишь безвредные головы, уцепившиеся за подол одежды Хэ Бугуя; дышать и идти стало намного легче. Вскоре и сама тропа словно раздалась вширь.

Впереди раскинулась ровная, уходящая вверх дорога. Вдали, окутанные клубами тумана, смутно вырисовывались изогнутые крыши Обители Безмерности. Мерный, глубокий гул храмового колокола разносился над кручей, даруя покой, будто они ступали по облакам.

— Эта дорога возникла словно из ниоткуда, — изумился Юй Уцюэ.

Хэ Бугуй, слегка переводя дух, ответил:

— Демоны ума — это тернии мирской суеты. Раз уж они не смогли поглотить нас, считай, первое испытание мы выдержали.

— Может, раз мы так легко справились, наказание будет помягче? — с надеждой спросил Юй Уцюэ.

— Раскатал губу, — Хэ Бугуй покосился на темную чашу. — Буддийские монахи суровы, но справедливы. Даже для свершения кары они отбирают лишь достойных. Истинно нечестивые и малодушные гибнут еще у подножия, сожранные собственными кошмарами. Лишь те, кто сумел узреть этот путь и подняться к храму, удостоиваются чести предстать перед их судом.

Юй Уцюэ похолодел: выходит, наверху их ждали соперники куда опаснее былых призраков.

— Твой учитель здесь, — Хэ Бугуй потянул его за собой. — Не бойся.

Хэ Бугуй проделал этот долгий и трудный путь лишь ради того, чтобы уберечь непутёвого ученика. Рядом с ним Юй Уцюэ и вправду ничего не страшился. Единственное, чего он всерьез

опасался, — стать обузой для наставника и втянуть его в беду.

С замиранием сердца Юй Уцюэ помог Хэ Бугую одолеть последнюю ступень, но тот вдруг замер, не решаясь сделать следующий шаг. Глиняные фигурки, терзавшие его всю дорогу, наконец разжали цепкие пальцы. Они беззвучно сползли наземь, уползая обратно в лесную чащу по обе стороны тропы. Стоило им коснуться родной земли, как они пустили корни и мгновенно обратились высокими, стройными деревьями. Но даже теперь их невидимые лики оставались обращены к уходящему Хэ Бугую.

Юй Уцюэ придвинулся ближе:

— Похоже, предки проводили нас до самого порога. Теперь я сам позабочусь о тебе, Шицзунь.

Хэ Бугуй только усмехнулся, диву даваясь, откуда у этого мальчишки берется столько красноречия, как вдруг воздух вокруг них со свистом рассекли огромные четки.

Каждая бусина была размером с кулак. Окруженные золотистым сиянием, они медленно вращались по кругу, соткав непроницаемую стену чистого света. Этот парящий барьер мгновенно отрезал их от внешнего мира, подобно передвижной темнице, из которой ни одному грешнику, ступившему на земли Обители Безмерности, не суждено было бежать.

Любопытный Юй Уцюэ неосторожно коснулся золотистой стены, но тут же отдернул пальцы, зашипев от ожога: он на миг увидел искры. Краткого мгновения хватило, чтобы понять — силы были слишком неравны.

Священное песнопение разносилось над древним храмом. Дорогу обступали вековые исполинские деревья, чьи стволы едва ли могли обхватить и десять человек; вокруг царили безмятежность и покой. Но то, что предстало их взору дальше, разительно отличалось от мирного пейзажа. Навстречу им, сложив ладони в священном жесте, медленно шли монахи Обители Безмерности — их было не меньше полусотни. Они не смотрели на незваных гостей и не держали в руках оружия, лишь монотонно читали сутры, в такт которым парили в воздухе светящиеся четки.

От них не исходило ярости, но каждый звук их голосов дышал смертельной опасностью.

Один из монахов плавно выступил вперед:

— Мы ожидали вас. Прошу благодетеля Юй проследовать со мной в Зал Дисциплины. Бессмертный Тайвэй, вас мы просим немного подождать в Зале Закона. Как только допрос завершится, вы сможете прибыть на Место казни.

Юй Уцюэ лишился дара речи.

Парящие четки дрогнули, готовые опутать юношу, но Хэ Бугуй шагнул в сторону, закрывая его своей спиной:

— Я желаю видеть настоятеля.

Монах ответил без тени суеты:

— Настоятель также желает побеседовать с почтенным бессмертным. Однако сперва мы должны пленить преступника, после чего смиренно проводим вас во Внутренний зал.

— Сперва я переговорю с настоятелем, а затем мы решим участь Юй Уцюэ. Человек уже здесь, бежать ему некуда, — Хэ Бугуй снял со своего нефритового венца журавлиное перо и протянул стоявшему перед ним монаху. — Передай это настоятелю. Пусть он взглянет на мою вещь, прежде чем определять меру наказания.

Буддийским праведникам не составило труда с первого взгляда распознать священную реликвию небожителей. Монах благоговейно принял перо обеими руками и поспешил к обители. Спустя некоторое время он вернулся быстрым шагом и поклонился:

— Настоятель приглашает обоих почтенных гостей во Внутренний зал.

Целая вереница безмолвных монахов, отрешенно уставившихся в землю, следовала за ними по пятам. И пускай у них не было в руках кандалов или плетей, сияющие четки кружили вокруг Юй Уцюэ так плотно, что он чувствовал себя настоящим колодником, которого ведут на плаху. Но когда они подошли к дверям Внутреннего зала, Хэ Бугуй жестом велел ему остановиться:

— Ты подождешь снаружи.

— Слушаюсь, — Юй Уцюэ послушно опустился на колени у порога.

Настоятель храма, носивший духовное имя Цзун Хуань, отличался благообразным видом и весьма плотным телосложением. Его белоснежные усы и брови почти сливались в одну сплошную линию, отчего лицо его казалось на редкость добродушным. Облаченный в монашескую рясу, он восседал на циновке и мерно постукивал по деревянной рыбе, не открывая глаз при звуке шагов — лишь он едва заметно вздрогнул.

Хэ Бугуй самостоятельно пододвинул себе подушку для медитации и уселся напротив. Видя, что хозяин не торопится с приветствиями, он тоже не стал докучать ему расспросами, а просто налил себе чаю из стоявшего на столике чайника. К тому времени как чаша опустела, Цзун Хуань все еще продолжал монотонно бубнить сутры. Потеряв терпение, Хэ Бугуй постучал пальцем по столу:

— Если не прекратишь молиться, я заберу парня и уйду.

— Ладно, ладно, полуденную службу ведь тоже нужно когда-то завершать, — Цзун Хуань открыл глаза и при виде Хэ Бугуя на миг опешил. — Сколько лет прошло, а облик Бессмертного Тайвэя ни на йоту не изменился.

— Надеюсь, вы в добром здравии, великий мастер, — улыбнулся Хэ Бугуй.

Из уст любого другого это прозвучало бы вежливым почтением, но для Цзун Хуаня такое обращение от древнего бессмертного было истинным испытанием. Монах поспешно замахал руками:

— Братец Сяо Си, умоляю, не насмехайся над старым монахом! Перед твоим величием я вовек не посмею назваться мастером.

От этого «братца Сяо Си» у Хэ Бугуя едва мурашки по коже не побежали. Он сердито закатил глаза:

— Прекрати немедленно. Что подумают твои ученики, если услышат это?

Цзун Хуань, мгновенно позабыв о важности почтенного старца, смущенно почесал нос:

— Почтенный бессмертный, не гневайся. Мы ведь познакомились, когда я был совсем еще несмышленищем. С тех пор так и повелось, язык сам поворачивается. Кто бы мог подумать, что я состарюсь и одной ногой буду стоять в могиле, а ты останешься прежним, точно юноша.

Более семидесяти лет назад Хэ Бугуй вместе со старейшиной Сюаньцзи отправился странствовать по миру. Они остановились в небольшой деревушке у подножия Горы Безмерности, где он впервые и встретил Цзун Хуаня. Тогда будущий великий настоятель был лишь маленьким послушником, едва достававшим Хэ Бугую до пояса. Тяжелые деревянные четки так оттягивали его шею, что бедняга едва мог поднять голову. Его круглое, румяное личико выглядело невероятно милым, а на выбритой макушке синели девять священных шрамов-цзеба — свидетельство истинного благочестия и праведного пути.

Маленький послушник бродил по улицам, прося милостыню. Он кланялся каждому встречному, сложив ладони вместе, и так проходил от одного конца деревни до другого. Селение было бедным, и за весь день в его чаше не оказалось ни зернышка. Хэ Бугуй в то время разглядывал лоток торговца сладостями, когда мальчик подошел к нему. Пустая чаша для подаяний выглядела настолько сиротливо, что у Хэ Бугуя сжалось сердце, и он позабыл о лакомствах.

Он потянулся к поясу, чтобы отдать кошель с монетами, но старейшина Сюаньцзи удержал его руку:

— Подаяние монахам должно идти от чистого сердца ради обретения благословения, Сяо Си.

Не разбрасывайся деньгами попусту.

Хэ Бугуй тогда лишь фыркнул:

— Мне нет дела до буддизма и его благословений. Мальчишка голоден, пусть возьмет серебро и купит еды. Что в этом дурного?

Старейшина Сюаньцзи не нашелся, что ответить на это упрямство, а Хэ Бугуй тем временем принялся насильно впихивать кошель в руки послушника. Юный Цзун Хуань, едва начавший постигать стезю мирского аскетизма, привык лишь к тому, что монахов гонят взащей или осыпают бранью. С теми, кто настойчиво навязывал богатство, он дела еще не имел. Мальчик отчаянно упирался, но разве мог он совладать с упрямым характером Хэ Бугуя? В конце концов бедный ребенок разрыдался прямо посреди улицы от растерянности.

Хэ Бугуй тоже вспылil: искренний порыв обернулся слезами неблагодарного монашка. Развернувшись, он зашагал прочь, и старейшине Сюаньцзи пришлось изрядно постараться, чтобы вернуть его назад. Хныкающий послушник все еще стоял посреди дороги, дожидаясь их. Делать было нечего — учитель и ученик проводили мальчика до ближайшего монастыря. Кошель вернулся к хозяину, а сами они разделили с наставником мальчика скромную трапезу из жидкой рисовой похлебки в полуразрушенном храме.

Именно тогда они узнали, что маленького монаха зовут Цзун Хуань и что он является самым юным, но на редкость одаренным учеником Обители Безмерности.

За те несколько дней, что они провели в деревне, им постоянно доводилось сталкиваться с Цзун Хуанем, собиравшим подаяние. Постепенно они с Хэ Бугуем сблизились. Мальчик несколько раз получил от него шуточных тумаков за излишне напыщенное обращение «благодетель Хэ», после чего и переименовал его в «брatца Сяо Си».

В последующие годы Хэ Бугуй не раз карал нечисть и предателей кланов, посылая весточки в Обитель Безмерности. Забирать преступников на суд обычно присылали именно Цзун Хуаня. Однако те встречи были мимолетными: Хэ Бугуй держался отстраненно и уходил сразу же, как передавал пленников, не оставляя старому знакомцу времени даже на вежливый разговор.

Пролетели десятилетия. Тот плачущий ребенок превратился во всемогущего настоятеля Цзун Хуаня, чьи добродетели были неисчислимы. Если бы Юй Уцюэ не натворил дел во Дворце Небесного Предела, вынудив Хэ Бугуя лично сопровождать его к вершине, им, верно, так и не довелось бы свидеться снова.

Впрочем, Хэ Бугуй завел этот разговор вовсе не для того, чтобы вымолить у старого друга пощаду за счет былых обид. Монахи Обители Безмерности следовали особому, суровому пути самосовершенствования. Постигнув законы мироздания, они сравнивались силой с небожителями и вершили волю небес в мире смертных. Для оступившихся заклинателей у них не существовало такого понятия, как снисхождение.

Цзун Хуань внимательно осмотрел лежавшее перед ним перо и спросил:

— Это перо принадлежит истинному журавлю из рода небожителей. Зачем Бессмертный Тайвэй преподнес его мне?

Уклонившись от прямого ответа, Хэ Бугуй спросил о насущном:

— Для начала поведай, какая кара уготована Юй Уцюэ?

— Согласно общему своду законов, за тайное изучение запретных техник полагается полное лишение духовных сил, — Цзун Хуань погладил бороду, покосившись на закрытую дверь. — Однако все зависит от обстоятельств. Если благодетель Юй совершил это впервые, не успел достичь мастерства и согласится выдать источник этих темных знаний, мы сохраним ему жизнь.

— Смерти он избежит, но сурового наказания не миновать. Понимаю. И что ждет его после?

— Он останется в Обители Безмерности на пожизненные принудительные работы, дабы искупить вину пред небом.

— Будет ли ему дозволено покидать гору?

— Никогда, — покачал головой настоятель. — Пожизненное заточение. Если же в нем обнаружится духовный задел, возможно, со временем мы примем его в лоно нашей обители в качестве монаха.

Хэ Бугуй помрачнел:

— Выходит, при любом исходе от него останется лишь половина прежней силы. И даже если он выживет, то до конца дней обречен влачить существование под вашим надзором?

— Именно так.

— Не бывать этому, — отрывисто бросил Хэ Бугуй. — Он — мой личный ученик. С какой стати ему становиться буддийским монахом?

Цзун Хуань ответил спокойно, но твердо:

— Братец Сяо Си... кхм, Бессмертный Тайвэй. Свод законов мира заклинателей непреложен для всех без исключения. Я обязан вершить правосудие беспристрастно.

— Юй Уцюэ не совершил столь тяжкого преступления, — возразил Хэ Бугуй. — Твой великий круг демонов разума не задержал его ни на миг. Это доказывает, что его помыслы чисты. За что же обречь его на вечное заточение в Обители Безмерности?

Цзун Хуань непреклонно ответил:

— Бессмертный Тайвэй, ты лично вел ученика через гору и видел силу нашего барьера. Благодетель Юй действительно чист сердцем, раз наваждения не коснулись его разума. И поверь, именно из уважения к его чистоте я даровал ему пощаду. Не забывай, он применил запретное заклятие уровня Небесной Кары. За подобное преступление справедливо было бы полностью уничтожить его душу, а не просто приговорить к трудам на благо обители.

Хэ Бугуй понимал, что настоятель прав, а потому лишь крепче сжал чашу с чаем:

— Раз уж учитель в ответе за ученика, какому наказанию подвергнусь я?

Цзун Хуань со вздохом замялся:

— По закону за недосмотр полагается порка бамбуковыми палками. Однако ты носишь священный сан Бессмертного, и мы не вправе вершить над тобой суд по своему усмотрению. Могу лишь предложить тебе на выбор: удары палками, плети или же добровольное прохождение круга демонов разума.

Хэ Бугуй на мгновение лишился дара речи.

Эти благообразные монахи, изо дня в день твердящие о сострадании, оказались куда безжалостнее любого мирянина. Старое знакомство не помешало Цзун Хуаню с самым невозмутимым видом перечислять пыточные орудия — плети, розги, палки...

"Что ж, я точно не ошибся, решив подняться сюда лично", — мрачно подумал он.

— Ты не имеешь права наказывать меня, — ровным голосом произнес Хэ Бугуй. — А значит, не можешь наказывать и Юй Уцюэ.

— Это еще почему? — удивился настоятель.

Хэ Бугуй молча указал на лежащее на столе перо.

Цзун Хуань надолго задумался, а затем произнес:

— Священное перо доказывает твою связь с вышними силами, и мы действительно не посмеем

причинить вред Бессмертному Тайвэю. Однако эта реликвия оберегает лишь тебя одного. На благодетеля Юй ее защита не распространяется.

Хэ Бугуй прищурился:

— Выходит, договориться не удастся?

Цзун Хуань покачал головой:

— Разве что явится кто-то из великих небожителей и объявит, что Юй Уцюэ — не обычный смертный, а принадлежит к их священному роду. В таком случае законы нашего мира действительно потеряют над ним силу... О небо! Б-бессмертный Тайвэй?!

Перед глазами настоятеля все пошло прахом. Внезапный порыв ураганного ветра ворвался в комнату, и Хэ Бугуй бесследно исчез. На том самом месте, где он только что сидел, теперь величественно высился огромный белоснежный журавль, вззирающий на монаха с нескрываемым превосходством.

Его роскошный хвост длиной более тридцати чжанов устилал пол; белизна перьев в точности совпадала с цветом реликвии на столе. Изыщная птица на тонких длинных ногах горделиво вытянула шею, а затем бесцеремонно взгромоздилась лапой на чайный столик, опрокинув чашу с недопитым чаем.

"Цзун Хуань, у меня нет времени на пустую болтовню"

Журавль раздраженно взмахнул великолепными крыльями, и лишь по его горящим глазам можно было догадаться об обуревавшем его гневе:

"Раз ты не смеешь поднять руку на меня, то не смеешь тронуть и Юй Уцюэ. Теперь тебе все ясно?"

<http://bllate.org/book/20165/2217838>